

Олег Батухтин

карманный
АВАЛОН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

18+

Олег Батухтин
Карманный Авалон

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Батухтин О. В.

Карманный Авалон / О. В. Батухтин — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Воплощенные мечты становятся смертельно опасными, когда в дело вступают антидепрессанты. В таких случаях выдуманный мир обретает реальность, грозящую свести с ума своего создателя. «Карманный Авалон» – повесть о нелегком путешествии во вселенную странных снов и невозможных грёз. Содержит нецензурную брань.

Батухтин Олег

Карманный Авалон

Часть первая. Всякое бывает

Глава 1. Луиза

Сегодня меня разбудил не привычный звон будильника, а солнечный зайчик, который упорно гулял по моему лицу. Проклятая скотина будто стремилась безжалостно выжечь мои глаза. Я с трудом разлепил веки и сел на кровати, пытаюсь справиться со сном и привычным похмельем. От вчерашнего веселья остался только плотный запах перегара и болезненная боль в мышцах. В моей ротовой полости образовалась локальная пустыня, в песок которой напрудила стая диких кошек. Когда, наконец, мои ноги нашли древние стоптанные тапки, принадлежащие ещё моему деду, будильник все-таки зазвенел. Ударом кулака отправил его в полет. Оскорбленно звякнув напоследок, будильник затих, а я отправился в ванную комнату выпить сто литров воды и умыться.

Справившись с ржавым краном, я настроил приемлемую температуру воды и принялся плескать себе на лицо красноватую воду, которая имела отчетливый привкус меди. Наскоро умывшись, я критически осмотрел свою щетину и решил, что она вполне может потерпеть ещё денек. Или неделю. Кому какое дело? Я выключил гудящий кран и отправился варить кофе.

День начинался с крайне поганого настроения, что в последнее время бывает регулярно. Предстоящий поход на работу только усугублял ситуацию. Положение не спасал и начинающийся теплый весенний денек, который как правило наполняет оптимизмом более жизнерадостных людей.

Я порылся в старой консервной банке, выполняющей функцию пепельницы, и нашел относительно целый окурочек и с удовольствием закурил. Сев на подоконник, я стал наблюдать как нагревается зеленый эмалированный чайник. Сосредоточиться на созерцании бытовой термодинамики мне не дала пронзительная трель телефона. Пластиковый аппарат, стоявший на кухонном столе, словно решил вогнать дрель в мой висок. Я поспешно снял трубку.

– Алло, – гаркнул я в трубку, стараясь придать своему голосу наименее дружелюбный тон. Хотя сильно стараться для этого не пришлось.

– Привет, – услышал я в трубке знакомый голос и сменил гнев на милость.

– Как дела, Луиза?

– Нормально, – ответила она, – ты жив после вчерашнего?

– Относительно... – сказал я, подумав, что в моей жизни все относительно.

– Ты жрал горстями паркопан и запивал все это дело паленой водкой и красным вином, я конечно, тоже псалмы вчера не читала, но до твоих грешных подвигов мне далеко, – я чувствовал, что на противоположном конце провода Луиза ухмыляется, – ладно, проехали. Ты помнишь о моей просьбе?

– Какой? – я нахмурил лоб, пытаюсь вспомнить, что я там наобещал. Надеюсь, что речь шла не о знакомстве с её бабушкой.

– Книгу, дурак, захвати мне книгу. С бабушкой ещё успеешь познакомиться.

– А, конечно!

– Тогда до вечера, – сказала Луиза и положила трубку.

Я с облегчением вздохнул: пусть и не сразу, но мне удалось вспомнить, о какой книге идет речь. Мой мозг ещё функционирует. Меня очень успокаивало то, что нет необходимости перезванивать Луизе и уточнять, что она имела в виду.

Вчера я и Луиза провели сказочный вечер, наполненный колёсами, алкоголем, вялым сексом и бесконечными беседами, которые можно было назвать философскими лишь с большой натяжкой. В какой-то момент Луиза спросила меня, почему я, «в принципе, неглупый

паренёк», так сильно подвержен наркотической и алкогольной зависимости. После минутного размышления я дал ей пространный, но стандартный ответ эскаписта. Путешествую по другим мирам, сказал я и пустил в потолок колечко дыма. Но Луизе мало было такого сжатого изложения факта, и она потребовала подробностей. Тогда мне пришлось рассказать ей, что я путешествую по собственной волшебной стране, прообразом которой стал легендарный Авалон. Это, так сказать, моя волшебная страна, где всегда солнечный день и запах дикого мёда. Место, где мысль может лететь выше и выше, не опасаясь прервать свой полет.

Вот как, спрашивается, объяснить человеку в чём смысл моих путанных слов? Будь я трезвее, а мой язык послушнее, я бы сказал, что такое для меня Авалон: страна из сказок, что наполняли теплом моё совсем не радостное детство, убежище ребенка, в которое он мог попасть, просто закрыв глаза. С возрастом ворота в Авалон заросли выющим хмелем, перебраться через который помогали разве что наркотики.

Мои бормотания содержали лишь путаницу из моих ощущений и информации о короле Артуре, основанной на старых легендах. Это ещё больше заинтриговало Луизу, и она попросила у меня что-нибудь почитать на обозначенную тему. Конечно, в моей библиотеке был маленький томик Брэдли, озаглавленный как «Туманы Авалона». Я обещал захватить его на следующую нашу встречу. Книга карманного издания, добавил я зачем-то. Отлично, обрадовалась Луиза, неплохо иметь под рукой свой карманный Авалон.

Из раздумий меня выдернул кипящий чайник. Пора выпить кофе. Кинув в кружку три ложки растворимого порошка и четыре ложки сахара, я развел эту сомнительную смесь матовым кипятком. Варить настоящий кофе не было сил.

Обжигающий, невкусный напиток кипящей лавой вторгся в желудок, побуждая организм на дальнейшее существование. Докурив до фильтра «бычок» и допив кофейную жижу, я принялся собираться на ненавистную работу.

Чтобы не разочаровать Луизу я первым делом положил книжку Мэрион Брэдли во внутренний карман ветровки. Вот уж действительно, карманный Авалон.

Утро встретило меня теплой погодой апрельской поры. Деревья только начали покрываться почками, лужи ещё не успели высохнуть, а птицы уже начали устраивать свои утренние концерты. Думаю, с таким остервенением они могут петь исключительно весной. Послушав несколько минут птичьих трели, я пришел к выводу, что хочу ехать на автобусе, ибо в моём случае весенняя прогулка пешком будет напоминать романтический променад счастливого человека, коим я ни в коем случае не являлся. Успокоив себя мыслью, что птицы поют скорее от глупости, нежели от жизнелюбия, я направился в сторону остановки.

Единственное, что мне нравится в прогулках по городу, это возможность слушать обрывки разговоров прохожих. Главная тонкость такого развлечения – не концентрироваться на каком-то одном разговоре, а услышать голос народа в целом. Как правило, обрывки чужих фраз складываются в крайне интересный монолог. Я вышел на оживленную улицу и наострил уши.

– ...когда ты прекратишь отвратительно вести себя? Ты же весь в отца, debil. Если так будет продолжаться и дальше, то... – отчитывала мать своего сына, который шел, опустив голову вниз.

– ...то, я не смогу так дальше жить. Этот старый... – жаловалась заплаканная женщина своей подруге. Я не успел дослушать конец. Парочка удалилась за пределы моей слышимости.

– ...урод перданул, когда я сосала его член, представляешь?! – эту фразу произнесла ярко накрашенная девушка.

Голоса в конечном итоге слились в один сплошной монотонный гул. Я думаю, что гомон толпы – это речь какого-то непостижимого живого существа, квинтэссенции города, несущего какое-то сакральное послание. Нужно лишь сконцентрироваться, чтобы принять это странное сообщение, которое откроет неведомые тайны города. Иногда я тоже становлюсь частью этого

голоса, и мои фразы вместе с другими пытаются нести людям определенную информацию, но в итоге тонут в этом бесконечном шуме.

Подходя к остановке, я увидел, как уезжает мой автобус. На его рифленом боку красовалась яркая реклама туристического агентства «Авалон». Я выругался сквозь зубы. Совпадение в духе глупого романа периферийного графомана. Ну что ж, в любом случае я уже давно упустил свой автобус на Авалон.

Я похлопал по карманам и в очередной раз обнаружил, что у меня нет сигарет. Придется дожидаться следующего автобуса без применения городской сигаретной магии призыва общественного транспорта. Курить тем не менее хотелось чертовски. Я прислонился к столбу и принялся ждать. Когда транспорт пришел, я на всякий случай осмотрел рекламу на его борту. Автобус рекламировал какие-то подгузники. Транспорт в легендарный город я пропустил, но хотя бы не насу в штаны. С такими мыслями я поехал на работу.

За всю свою недолгую, но насыщенную приключениями жизнь, я так и не определился, есть у меня склонность к определенному виду деятельности или нет. Но в одном я был абсолютно уверен: моя лень никогда не позволит мне достичь высот в какой-либо сфере деятельности. Таких как я в советское время называли тунеядцами.

Поэтому я занимался своим делом, которое не требует особых умений – болтовней. Я работал в «телефоне доверия». Здесь от меня требовалось только одно: сидеть за телефоном и разговаривать с людьми, которые сами не были в состоянии принять какое-либо решение. Проработав в этой сфере несколько лет, я пребывал в полной уверенности в том, что люди придумывают себе проблемы сами. Как будто, если у человека нет никаких забот, он не может полноценно жить. Я страдаю, следовательно, я существую. Так получается, если перефразировать великого мыслителя. Но мне в какой-то степени даже нравилась моя работа. Я не делал ничего особенного, только помогал решиться на шаг, который они бы сделали и без моей помощи.

Я сел за свое место, надел наушники и достал сигарету из мятой пачки, валявшейся на столе. Мой коллега с соседнего стола сегодня, видимо, запаздывал: я не заметил его пышной шевелюры за перегородками рабочих мест операторов. Ким, так звали моего друга, был хорошим парнем со здоровым цинизмом настоящего ублюдка. Возможно поэтому мы с ним и подружились. Знали бы наши клиенты, кто разговаривает с ними на другом конце провода, отпуская глубокомысленные замечания и душевные советы.

Телефон не заставил себя долго ждать, разразившись электрическим писком, от которого сразу начала болеть голова.

– Доброе утро, это «телефон доверия» и Алекс на проводе, – сказал я дежурную фразу, – всегда готовый помочь и понять.

– Здравствуйте, – послышался тихий женский голос на другом конце провода.

– Чем я могу Вам помочь? – зажав трубку плечом, я вытащил из ящика упаковку аспирина и кинул в рот несколько таблеток. Хотелось, конечно, что-нибудь вроде фенозепама, но что есть, то есть.

– Даже не знаю, я, в общем-то, и не собиралась звонить, глупо как-то. Но вот увидела объявление... Меня зовут Анна.

Да, конечно, никто никогда не собирается звонить, но по каким-то причинам все же берут трубку и набирают наш номер. Я разжевал таблетки, наслаждаясь кислым вкусом, таким же кислым, как и голос звонившей девушки.

– Дело в моём парне, – сказала она после короткой паузы, – он...

– Что с ним не так? Он Вас обижает?

– Совсем наоборот, он меня скорее, обожает, а вот я... – Анна усмехнулась, – я совсем нет. Я творческая натура, а он настоящий сухарь. Мне тяжело с ним, потому что я постоянно смотрю на других парней. А иногда не просто смотрю. Вы понимаете?

– Да, – ответил я. Конечно, я всё понимал. Это разговор с очередной блядью, которую вдруг настигли копы совести. – Так что мешает Вам уйти от него?

Конечно, мне и раньше приходилось выслушивать множество подобных историй, и я даже знал, что она мне сейчас ответит.

– Мне его очень жалко, – сказала Анна, – дело-то НЕ в нем, а во мне. Он очень хороший человек. И ещё он богатый.

– Знаете, Анна, – сказал я, – любить нужно себя. А строить отношения на жалости, это крайне неправильно. Это не только неуважение к себе, но и к другому человеку. Вы, конечно, решите все сами. Но если нет гармонии в ваших отношениях, не будет и самих отношений.

– Я понимаю, Вы говорите правильно, но как тогда понять, что гармония достигнута. Как мне измениться?

«Убей себя, – подумал я, – вот будет тебе гармония, сучка».

– Если я скажу, что я думаю, меня уволят, – ответил я.

Это была чистая правда. Но, конечно, я не собирался озвучивать свои мысли.

– Ага, значит так, – в её голосе послышалась заинтересованность, – ну-ка говорите, Вы меня заинтересовали.

– Ну, если только пообещаете, что никому не скажете, – сказал я, лихорадочно соображая, как продолжить диалог.

– Обещаю!

– Итак, Вы поймете, что гармония достигнута, когда перестанете стесняться пускать газы друг перед другом, – ляпнул я.

В наушниках повисло напряженное молчание. Я уже начал жалеть о сказанном, но через несколько секунд на другом конце провода послышался звонкий смех.

– Ну, Вы даете, – сказала она, смеясь, – это что, нужно пердеть дуэтом?

Тут засмеялся и я, представив себе эту романтическую картину: парень с девушкой сидят на фоне морского заката и дают полную творческую свободу своим натруженным кишечникам. Картина достойная пера Густава Климта.

– Это уже крайность, – строго ответил я, дабы пресечь дальнейшее развитие темы, которая грозила перейти в обсуждение тонкостей анального секса.

– Спасибо Вам, – сказала девушка, – я брошу его. Точно!

Мы попрощались. Как мне показалось, она осталась в хорошем настроении. Это и есть моя работа. Поднимать настроение тупым жадным сучкам. Я устало вздохнул и с облегчением обнаружил, что головная боль медленно отступает. Я потянулся за очередной сигаретой, но не успел сделать и затяжки, как телефон зазвонил вновь.

– Доброе утро, это «телефон доверия» и Алекс на проводе, – ответил я на телефонный звонок, – всегда готовый помочь и понять.

– Я-то тебе доверяю, а вот моя бабушка ни на грош, – я услышал голос Луизы в трубке. Не знаю, как, но когда она звонила, то всегда натькалась на меня, а не на какого-нибудь другого оператора телефонной службы доверия. На мой вопрос относительно этого, она всегда ссылалась на известную всем женскую интуицию.

– Твоя бабка – старая ведьма, она вообще никому не доверяет, – сказал я, – такая уж у тебя старушка. Если она кому-то и доверяет, то только программе «Взгляд». Надеюсь, ты будешь такой же в старости.

– Между прочим, это единственная передача, которой можно доверять в наше время. Опять куришь? – спросила Луиза.

Я машинально затушил сигарету.

– Ага.

– Алекс, ты неисправим, – несмотря на вполне себе либеральное отношение Луизы к алкоголю и наркотикам, она была ярким противником курения. Конечно, она не запрещала мне

курить, но тем не менее, я старался не светить сигаретами в её присутствии, – давай встретимся в библиотеке в шесть часов?

– Я так и предполагал, – сказал я. Настроение улучшалось.

– Тогда всё, не буду тебя отвлекать, – сказала она и положила трубку. А я закурил следующую сигарету.

*

К полудню в кабинет заглянул взлохмаченный Ким и в приказном тоне позвал меня обедать. Традиционно, обеденное время мы проводили в кафе, работающее напротив нашего офиса. Это было заведение достаточно низкого класса, с грязными полами и застарелыми скатертями. Кафе полностью оправдывало свое название – «Дно».

Ким как всегда заказал просто фантастическое количество еды. В голове не укладывалось, как обычный человек мог столько сожрать. Две порции салата с крабовыми палочками, тарелка бледного борща, макароны с гуляшем, пюре с котлетами, две чашки чая и четыре беляша. Когда он ел, можно было подумать, что он делает это в последний раз в жизни, вот это называется пожираться ртом и душой.

Я же ограничился кофе и блином с вареньем.

– Как ты можешь так мало есть? – выразил свое традиционное удивление Ким, страдальчески оглядывая мою половину стола, – работа сжигает столько драгоценных калорий. Ты так зачакнешь.

– Ты сидишь на одном месте, какие калории? – заметил я. – Я склонен думать, что ты просто очень много ешь. Ты как утка. Только продукты зря переводишь.

– Между прочим, умственная работа не менее тяжкая, чем физическая, вот, например, посмотри на ученых всяких там, какие все худые. Кожа да кости. И открою тебе секрет: перед обедом я раскуриваю пяточку. Для аппетита. Тебе тоже рекомендую.

Я решил промолчать, ибо спорить с этим человеком – занятие, заведомо лишённое всякого смысла. К тому же и бесполезное.

– Как работа, что-нибудь интересное было? Я немного проспал.

– Ничего особенного. Посоветовал одной глупой шалаве пердеть с её парнем-спонсором одновременно.

Ким закашлялся.

– С одной стороны, я думаю, не лишено смысла, пердёж укрепляет отношения. Знаешь, друг, в тебе умирает семейный психолог средней руки, – заметил коллега, яростно орудуя ложкой, – нельзя зарывать в землю такой талант.

Он нацепил на вилку кусочек хлеба, вытер им остатки борща в пустой тарелке и отправил его себе в рот. Вид у него, однако, был очень голодный.

– Эй, посмотри, тот парень похож на Монсеррат Кабалье.

Я посмотрел на парня, которого указал Ким.

– Ни капли.

– Похож, – возразил коллега, – посмотри на его форму черепа.

Я пожал плечами. Ким был неисправим. Я доел последний ошметок блина и поднялся из-за стола.

– Эй, я ещё не доел! – возмутился Ким.

– Ты скоро станешь похож на свинью, – сказал я и поплёлся на свое рабочее место, к своему телефонному аппарату.

*

У меня было достаточно времени для пешей прогулки. Завершив рабочий день и попрощавшись с Кимом, я направился в библиотеку. Вечерело. Стояла теплая погода, но на востоке начинали собираться тучи. Похоже, сегодня не обойдется без дождя. Это будет первый дождь в этом году. Будем надеяться на ливень.

Солнце уже катилось к горизонту, но всё ещё щедро одаривало город багровыми лучами. В такие моменты не нужны ни наркотики, ни какие-либо другие стимуляторы психической активности, всё и без них становилось каким-то нереальным, волшебным. Время словно останавливается, птицы замолкают, словно провожая солнце, чтобы потом снова запеть, но уже новую ночную песню.

Библиотека располагалась в старейшем здании города. Когда-то это была церковь, но во времена коммунистов здание отвели под книжное царство. Сейчас здание снова собирались вернуть под крыло епархии, верующие люди устраивали демонстрации, раскидывали листовки, призывающие вернуть бога в его законный дом. А я бы предпочел, чтобы все оставалось как прежде. Мне нравилась библиотека такой, какой она была сейчас: старинные потолки, колонны. Здесь находился самый настоящий храм знаний, только вместо алтаря находился стол главного библиотекаря. Я и Луиза были завсегдатаями в этом заведении, так как оба были жадны до новых книг, и здесь мы первый раз попробовали кислоту.

Я подошел ко входу, прикоснулся к старинной ручке на двери и потянул ее на себя. Дверь открылась со знакомым скрипом. Мне даже не надо было показывать свой билет. Я просто поздоровался с библиотекарем и прошел в читальный зал. Луиза была уже там. Сегодня она выглядела слегка напряженной. Между бровями пролегла тоненькая морщинка, а под глазами темнели синяки.

– Привет, – сказала она, нервно откладывая книжку, – как прошел твой день?

– Прекрасно, портит настроение только то, скоро здесь снова поселятся попы.

– Да, – грустно кивнула Луиза, – и чего им спокойно не живется? Церквей, что ли, мало?

– Наверное, – кивнул я, – а может им просто нравится участвовать в общественных движениях, привлекая к себе повышенное внимание. Ты в порядке?

– Мышиная возня. Вот для меня, святыня только одна – это знание. А Бог... Бог – выдумка слабых людей, – ответила Луиза, пропустив мой последний вопрос мимо ушей.

Я знал, что Луиза – истинный атеист. Возможно, даже агрессивный агностик. Но я вполне понимал ее. И даже разделял её мнение.

– Ты принес? – спросила она.

Я протянул её долгожданную книжку, томик Брэдли.

– Теперь у меня есть свой карманный Авалон, – сказала она, – Алекс, дай мне небольшую вводную информацию. Что для тебя Авалон?

– Трудно сказать, – начал я немного поразмыслив над ответом, – Авалон был городом моей мечты с детства. У кого-то это Средиземье, у кого-то Зазеркалье. А у меня всегда был Авалон. Только, как тебе сказать, мой Авалон совсем не такой, каким его описывают в книгах. Я взял только название, в остальном поработало моё детское воображение, превратив этот город в нечто особенное. Цитадель моего эскапизма.

– Какие авторы ещё писали об этом городе?

– Ну, Томас Мэлори, Мэрион Брэдли, Теренс Уайт, Билл Блейк, – начал перечислять я, – еще что-то есть, наверное. Что ты так им заинтересовалась?

– Хотелось бы мне в твой Авалон, – засмеялась Луиза, – это помогло бы лучше тебя понять.

– У тебя разве не было города или страны мечты? Такого места, где, по твоему разумению, ты была бы всецело счастлива? – спросил я.

– Нет, моё воображение не такое богатое, – сказала Луиза, – поэтому я заинтересовалась Авалоном, хочу, чтобы ты стал экскурсоводом для меня.

– Сделаю все что смогу, – сказал я, извлекая из внутреннего кармана пластиковый пакетик с двумя марками ЛСД.

Глаза Луизы сверкнули озорным блеском в мягком свете библиотечных ламп.

И я рассказал всё, что знал о волшебной стране: мягких солнечных лучах, о мостах из красного камня, о теплых ветрах, что ласкают усталую кожу. Луиза слушала, слегка приоткрыв рот, и впитывала словно губка информацию о мире, которого никогда не было. В её глазах я видел полное понимание сказок, которые я никогда не перенесу на бумагу. Я был королем, а Луиза – моей королевой. Стоило закрыть глаза, как мы, рука об руку, шли по полю, вдыхая сладкий аромат разнотравья.

Я устроил своей девушке настоящую экскурсию в глубины неведомого края. Как мне показалось, её напряженность сошла на нет. Луиза выглядит счастливой, отметил я с некоторым облегчением.

*

Когда мы вышли из библиотеки на улице уже правила ночь. В воздухе отчетливо пахло грозой. Кислота уже начинала отпускать из своих волшебных тисков, но ощущение присутствия волшебной страны ещё оставалось с нами. Не мало тому способствовали тишина, запах озона, электричество в воздухе и редкие, но стремительные порывы теплого ветра. Уши улавливали громохвонья. Где-то вдалеке сверкали слабые молнии.

– Пойдём ко мне или тебя проводить? – спросил я.

– Нет, я хочу прогуляться в одиночестве, – резко сказала Луиза, не поднимая на меня взгляд.

Я кивнул. Настроение немного ухудшилось, ведь я планировал завершить сегодняшний вечер в нежных женских объятиях. Но, я уважал её индивидуальность, поэтому не стал настаивать. У меня у самого часто бывает желание побыть наедине с самим собой. Я поцеловал Луизу на прощание и направился в сторону дома.

Ветер набирал силу и яростно гнал мусор по улицам. Мне встречались редкие прохожие, которые с опаской и интересом поглядывали на тучи и торопились домой.

– Дождь будет, – сказал какой-то старик, – беги домой, сынок, промокнешь. Знаешь ли, апрельские дожди они такие, не успеешь моргнуть, как подхватишь весеннюю простуду.

Я кивнул и последовал его совету. Когда я подходил к дому на землю уже начали падать первые тяжелые капли. Это не дождь, это ливень. Забежав в подъезд, я отдышался.

Посмотрев на свой почтовый ящик, я увидел краешек письма, торчащий из темной прорези. Я вытащил письмо и поднялся к себе в квартиру.

Письмо было адресовано мне. На нем стояло только моё имя, ни адреса, ни индекса, ничего больше. Письма мне не приходили уже года три. Я закурил сигарету и посмотрел на письмо. Оно вызывало во мне некоторое беспокойство, какое-то неясное чувство тревоги. Мне совершенно не хотелось его открывать, но так и не найдя вескую причину, чтобы не делать этого, я вскрыл конверт. В глаза бросился знакомый почерк. Почерк Луизы.

Дорогой, Алекс. Прости, что не говорю тебе это лично, ибо есть на это свои причины, о которых ты скоро (возможно) сам узнаешь.

Мне необходимо с тобой попроситься. Я вынуждена уехать. Очень-очень далеко. Ты самый классный человек, из всех, что я когда-либо знала. Очень сожалею, что так и не сказала тебе это в лицо, но обстоятельства вынуждают меня действовать подобным образом. Видит бог (это метафора), я этого не хотела (а может быть и хотела).

Я люблю тебя (теперь я точно в этом уверена).

Возможно, мы увидимся (на Авалоне!).

P.S. Ты опять куришь?

P.P.S. Тебе придется зайти ко мне домой и забрать свои книги. Их там накопилось порядочно. Держи себя в руках, когда будешь общаться с моей бабушкой.

Луиза.

На оборотной стороне листа убористым почерком было выведено стихотворение:

*Мир мечты, как поле брани,
Крики боли вновь.
Всякий день как будто ранен,
В жилах стынет кровь.
И прекрасную когда-то
Пустоту души
Вновь наполнят пресной ватой,
Прелести лишив.
А душа, устав от бега,
От пустой мечты,
Вновь найдет под снегом
Первые цветы...*

Я дважды перечитал письмо. Но все равно ничего не понял. Я же полчаса назад видел ее. В голове хаотичным водоворотом крутились вопросы: почему Луиза ничего сама мне не сказала этим вечером? Когда она успела принести письмо? Я в замешательстве набрал её номер. Кроме длинных гудков я ничего не услышал.

Я прошелся по квартире с сигаретой в зубах, лихорадочно размышляя над письмом. Мы никогда не говорили друг другу о любви. Мы оба сошлись на том, что это слово— всего лишь поэтическая метафора и не имеет никакого реального смысла. Что на нее нашло?

Через двадцать минут я ещё раз набрал её номер. На этот раз трубку взяла бабушка.

– Здравствуйте, могу я услышать Луизу? – спросил я.

– Луизы больше нет, – ответил тихий голос на другом конце провода, – только что ушел участковый. Мою девочку сбил автобус.

Я повесил трубку и облокотился на дверцу холодильника, закрыв глаза. Луиза умерла. Это что, кислота ещё действует? Или шутка?

Я вспомнил, что у меня есть половина бутылки дешевого коньяка. Прекрасно подойдет для того, чтобы запить горсть седативных таблеток.

За окном полыхнула молния, разрезав небо на две неровные части.

Глава 2. Корпорация Нецах

Я не выходил из дома три дня. Жрал горстями колёса и перечитывал письмо каждые пять минут. Я раз от раза брал в руки бумажку с аккуратным почерком Луизы и шарил взглядом по строчкам, в надежде на то, что увижу что-то новое. Но, конечно же, никаких ответов я не находил, только строчки скакали перед моими воспаленными глазами. Через некоторое время я мог декламировать письмо наизусть, но оно продолжало оставаться загадкой. Казалось, такому событию просто не может быть места в моей жизни. И моё скрученное наркотическими тисками сознание продолжало шептать мне, что эта записка – есть сложный ребус или шарада, которую надо непременно разгадать.

Я мерил свою маленькую квартиру шагами, пил кофе и курил сигарету за сигаретой. На подсознательном уровне я понимал, что необходимо взять трубку и набрать номер Луизиной бабки, чтобы узнать дату и время похорон, но я никак не смог заставить себя пойти на это, ведь если я увижу хладное тело своей подруги, то уже не останется места для сомнений в её смерти. Но зато я пообещал себе, что обязательно навещу её могилу.

Остановившись перед книжным шкафом, я наугад ткнул во вторую полку пальцем и вытащил первую попавшуюся книгу. Таков был мой усовершенствованный метод гадания по Хазарскому словарю Милорада Павича: я гадал не по одной лишь книге, а по целой книжной полке. В руке оказался томик «1984 и Скотный Двор» Джорджа Оруэлла. Я смежил веки, рас-

крыл книгу и снова указал пальцем в первую попавшуюся страницу. Когда я открыл глаза, то увидел, что на моё гадание выпало следующее четверостишие:

Наш маленький Вилли рыдает так громко.

Бедняжка, он так огорчен:

Сломал он всего-то лишь шею сестренке –

И сладкого чаю лишен.

Некоторое время я пытался интерпретировать предсказание, но это ни к чему не привело. В голову ничего не пришло, казалось, высший разум лишь посмеялся надо мной. Я с отвращением засунул томик на место и пробежался взглядом по корешкам книг. Чужие знания и чужой опыт не могли мне помочь разобраться в себе. Ремарк, Ирвин Шоу, Кафка, Фаулз, Драйзер, Диккенс, Джон Апдайк, Эрнест Хемингуэй, Томас Вульф, Стейнбек были сейчас бессильны.

Мои размышления прервал звонок.

– Алексей, здравствуйте, – это была бабушка Луизы, – я думала мы увидимся на похоронах, но Вас я там не видела, к сожалению. Я хотела сказать вот что. Насколько я знаю, у Луизы в комнате лежат какие-то вещи, принадлежащие вам, книги в основном, как я понимаю. Вы можете зайти сегодня вечером и забрать их.

– Спасибо, – ответил я, – и примите мои соболезнования, хоть и запоздавшие. Я не смог прийти на похороны, просто подумал, что от этого будет ещё тяжелее.

– Я Вас понимаю, – сказала она, – будь моя воля, я бы тоже там не появилась. Хотя, конечно, это банальная слабость. Но ведь в ней нет ничего плохого. Итак, во сколько Вас ждать, молодой человек?

Я посмотрел на часы, прикидывая сколько времени уйдет на то, чтобы привести себя в надлежащий вид.

– Шесть часов Вас устроит?

– Да. До встречи.

Я положил трубку и ещё некоторое время с изумлением смотрел на телефон. Бабулю будто кто-то подменил. Мерзкая старуха никогда не говорила со мной так вежливо. Видимо, горе заставило её переосмыслить некоторые черты своего характера. Против встречи с сегодняшней версией бабушки я не имел ничего против.

До шести часов времени было предостаточно, чтобы успеть сходить на кладбище и попрощаться с Луизой. Не сказал бы, что мне хотелось это делать. Но иногда приходится идти наперекор себе, следуя старым традициям. Ведь мертвому человеку ни к чему это прощание. А живой человек может попрощаться с умершим в любом месте.

Я принял душ и выпил кофе. Струи холодной воды оказали благотворное воздействие на мой разум, оттеснив напор фармацевтических препаратов. Критически осмотрев свое отражение, я помассировал большими пальцами мешки под глазами. Выглядел я, конечно, как конченный наркоман. Собственно, так оно и было.

Я оделся и вышел из квартиры.

Проходя мимо своего почтового ящика, я снова увидел белый краешек, торчащий из щели. Сердце бешено застучало. Если это ещё одно письмо от Луизы, значит я точно сойду с ума. Однако это было совсем не письмо – всего лишь рекламная листовка, распечатанная на обычном струйном принтере. Текст набранный яркими безвкусным шрифтом коллекции «Word Art» гласил:

Свершилось!

Корпорация «Нецах» начинает набор сотрудников.

Если Вы смелы и изобретательны, то это работа для Вас!

Корпорация предлагает нестандартные и интересные ситуации. И даже приключения!

Зарплата – каждому по потребностям и способностям.

Собеседование будет проходить 30-го апреля в Малом Театре, в 21-00.

Ждем соискателей.

Я с сомнением посмотрел на листовку и сунул её в карман. Мерзость какая. Интересно, что за, блять, нестандартные ситуации? О каких приключениях речь? Хотелось бы мне посмотреть на человека, которого заинтересует реклама такого характера. Похоже на продвижение очередной финансовой пирамиды или тренинга личностного роста. В таком месте потеряешь больше денег, чем заработаешь.

На выходе из подъезда я выкинул из головы корпорацию «Нецах» с их ситуациями и приключениями. В мыслях и без того была каша. Свежий весенний воздух немного отрезвил меня, и стало немного легче. Вдыхая весенние ароматы, я принял спонтанное решение пойти до кладбища пешком и попытаться привести в порядок свои мысли.

Последняя задача оказалась невыполнимой. Чтобы отвлечься от горестных дум, я остановился около входа в магазин детских товаров. Яркая вывеска гласила: «Мир детства», на витрине лежали игрушки: различные машинки, куклы, конструкторы и прочая приятная детским ручкам ерунда. Но моё внимание привлек пластмассовый игрушечный меч. Далее я действовал практически на уровне инстинктов.

Я даже не успел заметить, как оказался в магазине и стоял у витрины, протягивая улыбающемуся продавцу миниатюрный меч. Людям иногда свойственно совершать нелогичные поступки. Я думаю, в такие моменты человеком управляет странное существо по имени подсознание.

– Классный меч, – жизнерадостно сказал продавец, сканируя штрих код игрушки, – его когда-то даровала королю Артуру сама Владычица Озера, когда он потерял свой меч в битве с сэром Пелинором.

Я попытался нарисовать на своем лице улыбку, но получился лишь трагический оскал. Отдав деньги, я засунул меч за пояс и вышел из магазина под внимательным взглядом продавца.

Выглядел я, конечно, как городской сумасшедший с мечом на поясе, но всем было плевать. Город жил своей жизнью и ему не было заботы до проблем отдельных людей. Люди торопились по своим делам. Я выхватывал лица прохожих, ненадолго отпечатывая их в своей памяти. У кого-то вид был счастливым, у кого-то озабоченным, а у кого-то, как у меня – несчастным.

Дойдя до кладбища, я немного успокоился. Тишина последнего людского пристанища всегда поселяла в мою душу спокойствие. Когда приходишь на кладбище, прикасаешься к чему-то вечному. Умиротворение этого места просто пьянит. Казалось бы, вот он рядом, шумный город, однако стоит войти в кладбищенскую калитку, как гул цивилизации сходит на нет. Будто кто-то могущественный убавляет громкость.

Проходя между памятниками, я заворожено читал эпитафии. В каждой из них была какая-то таинственность, и к этой тайне приятно было прикоснуться.

«Что можно выразить словами, коль сердце онемело» – гласил мраморный памятник. С него на меня весело смотрела молодая девушка. Она умерла тринадцать лет назад. Я даже не знал ее, но почему-то испытывал сожаление.

«Земной путь краток, память вечна» – говорила другая надпись. Не всегда, конечно, это утверждение справедливо. В конце концов, время все равно берет верх, а вечным становится склероз.

Я подумал, что было бы неплохо записать эпитафии в толстый блокнот и издать книгу своеобразных афоризмов. Возможно, будет даже пользоваться спросом. В первую очередь у людей с мрачным юмором, а во вторую – у похоронных бюро.

«Да не будет Аластор жесток с тобой» – эта эпитафия была совсем странной. Если мне не изменяет память, Аластор – это верховный палач в аду. Какому придурку пришло в голову написать такие строки на могильном камне?

«Муки – удел грешного» – с этой могилы на меня смотрела карточка мужчины, чей взгляд отдавал безумием. Я отвернулся в другую сторону. Это настоящая жуть.

Прочитав с полсотни надписей, я все-таки нашел могилу Луизы. Земля ещё не успела высохнуть на ней. Вокруг лежали свежие букеты цветов. Я присел перед могилой и молча посмотрел на памятник. Эпитафии не было. Только фамилия, даты и фотография, с которой улыбалась моя мертвая девушка. Я узнал карточку: фото было сделано, когда Луиза закончила выпускной класс. Фотография, конечно, старая, но наиболее подходящая. Покойная фотографировалась в исключительных случаях.

Я простался с Луизой без слез и сантиментов, всего лишь положил игрушечный меч на могилу. Вот твой Экскалибур, Луиза, ты достойна его. Пусть у тебя будет хотя бы это, раз уж ты не успела познакомиться с Авалоном. Мне будет тебя не хватать, и очень жаль, что ты не сможешь объяснить мне, что значит твое последнее письмо.

Я поднялся, махнул рукой на прощание и побрел мимо бесконечных рядов могил. Трудно представить, что на таком небольшом клочке земли зарыто так много человеческих костей. Из ногтей покоящихся здесь людей, можно построить целую флотилию, а не один корабль, если верить древним мифам.

Посетив последний дом Луизы, я понял, что это принесло облегчение и смирение. Две главных благодетели в текущем положении. Я даже ощутил грусть от того, что бойкотировал похороны. Как выяснилось, ничего страшного в ритуале погребения не было.

Это были не первые похороны, которые я пропустил и, конечно, не первая утрата дорогого мне человека, которую я перенёс. Несколько лет назад меня покинула бабушка.

Я вырос в неполной семье. Отец бросил нас ещё до моего рождения, а мама умерла, когда мне было шесть лет, её я практически не помню, только теплые руки и ласковый голос, поющий колыбельную. В этом мы были похожи с Луизой, которая с малого детства стала сиротой. Меня, как и мою девушку, воспитывала бабушка с материнской стороны. Я очень её любил, так как она мне заменила мать, отца, родню и друзей. Она же привила мне любовь к чтению: все книги, которые я могу назвать любимыми, рекомендовала именно бабушка. Бабуля мечтала, чтобы я поступил на исторический факультет городского университета, что я и сделал, хотя я никогда не мог сказать, что люблю историю всем сердцем. Бабушка скончалась, когда я учился на третьем курсе. Её смерть я воспринял тяжелее, чем мог предположить. Забросив учёбу, я подсел на лёгкие, а потом и тяжелые наркотики.

С глубокого дна меня вытащила Луиза, с которой я познакомился в аптеке, где я традиционно опустошал полки с седативными препаратами. Постепенно, мы сблизились. Луиза помогла мне уменьшить количество употребляемых веществ, принимая ровно половину моих запасов. Со временем депрессия отпустила меня, я даже восстановился в университете. Правда через год снова бросил учебу. С тех пор, при неизменной поддержке Луизы, я пытался найти себя в разных сферах деятельности, но, как и любой хрестоматийный неудачник, своего призвания так и не нашел.

Погруженный в свои мысли я подошел к автобусной остановке. Когда подъехала моя маршрутка, я поднялся по ступенькам и уселся на старое протертое сидение. Из динамиков доносился голос Михаила Круга: «какой-то там централ».

*

Я раньше виделся с бабушкой Луизы. Про себя я отнес её к такой категории людей, которые никому не доверяют кроме себя и ко всему относятся с подозрением. Она отличалась ворчливостью и нетерпимостью, по крайней мере, ко мне. В былые времена я даже не рисковал сталкиваться с этой злобной каргой.

Позвонив в дверь, я пожалел, что пришел сюда. Захотелось сбежать по ступенькам, подобно молодому хулигану. Но было уже поздно. Чтобы успокоиться, я нервно сунул в рот таблетку фенозепама. Дверь открылась. Бабушка Луизы вымученно улыбнулась мне.

– Добрый день, Гертруда Андреевна, – поздоровался я, стараясь выглядеть приветливым юношей.

– Здравствуйте, молодой человек, – сказала она и дала мне войти в квартиру, – проходите сразу на кухню.

Я поспешно проглотил таблетку и прошел в маленькую, но уютную кухню. Сев за столик, я упёрся взглядом в фарфоровый чайник, стоящий на расшитой скатерти.

– Чай как раз приготовила, – сказала она, доставая две фарфоровые чашки, – я люблю чай с душистыми травами, а Вы?

– Очень, – ответил я, хоть я и предпочитал кофе, но говорить ей это не было совершенно никакого желания. Сейчас я начал проникаться некоторой симпатией к этой пожилой женщине. Сегодня она не казалась мне противной ведьмой.

Она разлила чай по кружкам. До моих ноздрей дошел аромат душицы и мяты. Поставив на стол вафли, она села напротив меня.

– Вот так вот, – сказала она, – теперь пора привыкать жить одной. Вы уж извините, если я с Вами раньше была груба. Я знаю, у меня тяжелый характер. Но сейчас всё по-другому. Вы один из немногих людей, кто был дорог моей внучке, а это теперь очень важно. Я знаю, Вы курите, если хотите, можете закурить.

Я покачал головой. Мне не хотелось столь буквально воспринимать человеческое гостеприимство.

– Все в порядке, – ответил я.

Я сделал глоток из чашки, чай оказался действительно очень ароматным и вкусным. Надо будет разнообразить им своё ежедневное меню.

– Алексей, а Вы не замечали в последнее время в поведении Луизы что-нибудь странное? – спросила Гертруда Андреевна.

– Что именно? – полюбопытствовал я, – Луиза была девушкой экстравагантной со своими интересами, которые могут многим показаться странными. Но я к этому полностью привык. Когда человек странный изначально, его поведение уже нельзя классифицировать как эксцентричное. В таких случаях это совершенно обычные для данной личности интересы и мысли.

– Да нет, я не это имею в виду – сказала старушка, – в последнее время Луиза будто чего-то боялась, ходила как натянутая тетива. И эти книги опять же...

– Какие книги?

– Оккультизм, колдовство всякое, – ответила она, и мои брови поползли вверх, – я, как человек очень открытый, интересуюсь многим, и не вижу ничего предосудительного в подобной литературе. Но раньше Луиза с иронией относилась к таким вещам. А в последние месяцы её восприятие этого кардинально поменялось. Она с упорством фанатика начала штудировать пыльные «магические» фолианты. Последние книги, которые она принесла домой, принадлежат перу Гурджиева, Парацельса и подобным авторам. Я принимаю во внимание то, что моя внучка достаточно часто меняла свои интересы, и с чувством увлекалась новыми идеями, но никогда с таким мрачным упорством.

Теперь я понимал, что Луиза совсем не рассказывала о своих увлечениях, и это совершенно сбивало меня с толку. Как правило, я всегда знал, чем на данный момент интересуется моя девушка.

– Нет, для меня это новость, – тихо сказал я и сделал ещё глоток чая.

– Странно, что она тебе ничего не говорила, – сказала Гертруда Андреевна, – да угощайтесь вафлями, я сама их пекла. Луиза их обожала.

Я угостился. Они оказались мягкими и вкусными. Когда я протянул руку за ещё одной, Гертруда Андреевна улыбнулась и подбадривающе закивала. Ну, прямо-таки, милейшая женщина.

– Я, конечно, не думаю, что она всерьез решила заняться магией, – молвила старушка, – когда я спросила, к чему такой азарт, она ответила, что ищет «переход».

– Переход? – задумчиво повторил я, словно пробуя слово на язык, – интересно, что она имела в виду?

– Не имею представления, – ответила она, – вы же знаете Луизу, лучше её ни о чем не спрашивать, а если она посчитает нужным, она сама все расскажет. Как и было раньше.

Мы какое-то время помолчали, поедая вафли и запивая их чаем.

– Можно зайти в её комнату и взять свои вещи, я-то не знаю, что из них Ваше.

Я поблагодарил пожилую женщину за чай и поднялся из-за стола.

Комната Луизы была словно пропитана ею личностью. Во всем виделось настроение умершей девушки. Её книжный шкаф ломился от книг. Лежали они в таком чудовищном беспорядке, что становилось смешно. На полках была просто мешанина из прозы различных авторов, начиная с классики, заканчивая банальной бульварщиной и стихов Китса, Суинберна, Есенина, Евтушенко и многих других.

На стенах красовались репродукции картин Сальвадора Дали и Николая Рериха, серьезность которых разбавляли плакаты, стилизованные под «ретро». «We can do it!» говорила светловолосая американка, показывая мускулы на своей руке. Постель Луизы была аккуратно застелена покрывалом в зелёный горошек.

Я посмотрел на стол и увидел две своих книги. «Кукла» Болеслава Пруса и сборник стихов Федерико Гарсия Лорки. Я сунул томики под мышку. Моего «Карманного Авалона» не оказалось. Наверное, потерялся при несчастном случае. Внимание привлекла другая книга, лежащая на столе. Это был старинный фолиант в кожаном переплете, на обложке которого были оттиснуты крупные латинские буквы «Vulgate Dammati». Библия проклятых авторства Вендри де Савьери, догадался я. Очень редкая вещь. Полистав книгу, я пришел к выводу, что содержание скорее всего касается оккультных тем, но так как я не имел достаточного знания латыни, большего я сказать не мог. Вернув книгу на место, я обнаружил, что из нее выпал небольшой листок бумаги.

Подняв его, я узнал почерк Луизы. Сердце бешено застучало.

Авалон. То самое место?

Нецах и неофиты.

Михаэль, держись подальше.

Скоро ПЕРЕХОД.

Я несколько раз перечитал эти странные строчки. Напоминало рабочие пометки, которые будут понятны только писавшему их человеку. Я достал из кармана рекламную листовку. Нецах. Закон парных чисел или прямая связь? Сердце моё забилось быстрее. Я сунул записку и рекламный лист в карман и вышел из комнаты.

– Ну что, нашел? – спросила Гертруда Андреевна.

– Конечно, – ответил я, стараясь не показывать свое волнение, – а Вы что-нибудь ещё заметили в поведении Луизы?

– Ну, в основном мелочи, – ответила Гертруда Андреевна, – она стала закрывать шторы, раньше я такого не замечала. Иногда в процессе разговора она ненадолго замолкала, словно отключалась от реальности.

– Понятно, – сказал я, или я совсем ослеп от наркоты, или Луиза успешно скрывала от меня перемены в своей жизни, – пожалуй, я пойду. Спасибо Вам за все.

– Заходи в гости, молодой человек, – сказала бабушка, глаза у нее стали влажными, – я-то теперь совсем одна.

– Обязательно, – сказал я и обнял старушку. Не то что бы я хотел это сделать, просто таким образом обычно поступают персонажи в книгах. Она в ответ крепко сжала меня и заплакала.

Я вышел за дверь, оставив Гертруду Андреевну наедине со своим горем. Почему-то во мне крепла уверенность, что я больше никогда не увижу ее. Она оказалась вовсе не такой плохой женщиной, какой казалась мне раньше. Вполне милая старушка. Чем-то даже похожа на мою бабушку.

Я направился домой. Сегодня мне предстояло попытаться разобраться в каше, которая начинала кипеть вокруг меня. Я планировал очень постараться это сделать.

*

Но, как и следовало ожидать, никакой ясности не появилось, сколько я ни думал над последними событиями. В конечном итоге у меня просто заболела голова, и затошнило от выкуренных сигарет. Если хочешь бросить курить – выкури сразу пачку сигарет. Одну за другой, без перерыва. Гарантия того, что ты месяц не закуришь – стопроцентная. С одной стороны, вреда больше, чем за месяц курения, а с другой – я не собирался бросать курить. Луиза как-то спросила, почему я пристрастился к сигаретам. Ответ слегка удивил ее. Я сказал, что табак – мой единственный друг, который меня понимает: он со мной, когда я счастлив, он утешает меня, когда у меня горе, он меня никогда не бросит, а я его. Это взаимовыгодный обмен. Сигареты забирают у меня здоровье, но дарят дружбу и ненавязчивую компанию.

Мои воспоминания прервал резко зазвонивший телефон. Я даже подпрыгнул на месте.

– Да, – устало ответил я.

– Привет, мужик, – звонил Ким. Он знал, что случилось с Луизой и, зная мой характер, оставил меня в покое на пару дней, чтобы я успокоился и пережил свое горе сам. Ким всегда чувствовал, что мне необходимо. Вот и сейчас, он позвонил, и я был рад его слышать, – как ты?

– Паршиво, – ответил я, – но все же лучше, чем вчера.

– Жрешь колёса?

– Пока нет, но собирался сейчас закинуться немного.

– Ты же ещё жив, Алекс, – сказал он, – хоронить себя ещё рано. Колёса, конечно, это хорошо, но есть и другие стимуляторы. На работе, например, будут рады тебя видеть. Приходи завтра. Отвлечешься.

– Да ну на хрен. Я увольняюсь, Кимми, – сказал я.

– Почему?

– Не смогу адекватно воспринимать нытье звонящих людей. Ну не до чужого горя мне сейчас.

– Да брось ты, – сказал коллега, – а питаться ты чем будешь, святым духом? Или своим горем? На одной наркоте долго не протянешь. Кто тебя возьмет, ты делать ни хрена не умеешь? Ты же бездельник.

– А я уже нашел работу, – вырвалось у меня. Дружеская опека начала немного раздражать.

– И где?

Я подумал, что бы ему сказать. И тут меня осенило. Я достал из кармана рекламную листовку и сказал:

– Корпорация Нецах.

– Ты что шутишь? – засмеялся Ким, – это что за корпорация с таким ёбнутым названием?

Я зачитал ему рекламную листовку, чем вызвал ещё один приступ смеха.

– Нецах – это седьмой сефирот каббалистического Древа Жизни, – сказал он, закончив смеяться, – это что секта? Знаешь, в сектах обычно не платят, скорее наоборот, будешь платить сам. В некоторых религиозных организациях, вообще, паяльник в жопу суют.

– Нет таких сект, не будь ты таким параноиком, – сказал я, – не все же такие просвещенные, как ты. Нецах, вообще-то, в переводе с санскрита, означает «триумф» или «торжество». Может именно этим руководствовались создатели компании, выбирая название?

– А как же дата собеседования?

– А что не так с датой?

– Алекс, 30-ое апреля – это Вальпургиева Ночь, – ответил Кимми, – к тому же, какой нормальный человек, назначит собеседование на девять часов вечера?

– Вечером, как правило, все свободны, Кимми.

Ким тяжело вздохнул:

– С тобой спорить – всё равно, что бисер перед свиньей метать.

– То же самое могу сказать и про тебя, – ответил я, – не старайся меня переспорить, сам понимаешь, чем больше выигранных споров, тем больше потерянных друзей.

– В любом случае, я пойду на собеседование с тобой, – строго сказал Ким, – уж больно интересно узнать, что за корпорация Нецах. И что за приключения они предлагают.

– Хорошо, как хочешь, – сказал я, понимая, что теперь придется идти на это собеседование.

Мы попрощались, обменявшись друг с другом дежурными фразами. Ну что же, сегодня 29-ое число. У меня ещё есть время подумать до собеседования.

Луиза упоминала Нецах, но я считал это чистой воды совпадением. Но всё же я предпочел бы другое название для этой корпорации. Например, «Бина». Это хотя бы означает «разум».

Я высыпал на ладонь пару таблеток паркопана и отправил их в короткое путешествие по моему пищеводу. Выпив рюмку коньяка, я принялся ждать озарения, но сегодня его приход несколько затянулся, и пока я томился в ожидании, моё сознание уволло в свои чертоги другой наркотик, более древний, имя ему – сон.

Глава 3. Вальпургиева ночь

Мне приснилось предстоящее злополучное собеседование. Я сидел за массивным столом, находящимся в огромной комнате. Встречу проводила Луиза, она рассказывала что-то про Авалон, но я никак не мог ухватить сути её повествования. В голове металась мысль о том, что я неподходящий кандидат для работы в корпорации Нецах. Позже моя девушка, вдруг, превратилась в Кима, и он твердил о сакральном смысле и вселенской важности Древа Жизни, частью которого является сефирот «нецах». После того как он закончил, его сменил русский учитель оккультизма начала 19-го века Георгий Гурджиев. Он громко смеялся, скаля гнилые клыки. Почему в моём сне зубы колдуна были гнилыми, я не имел ни малейшего представления. Я понятия не имел как выглядит Гурджиев и уж тем более не был знаком с его зубной картой. Русский колдун снова превратился в Луизу, которая объявила о завершении собеседования.

– Пришло время Вальпургиевой Ночи, – сказала девушка.

Её рот приоткрылся, и на меня хлынула темная кровь.

Я с криком проснулся и сел на кровати. Смахнув холодный пот со лба, я скинул с себя промокшую простынь. Я вспотел, как дикая свинья.

Во время курения первой сигареты остатки сна выветрились из моей головы, оставив лишь противное ощущение, а запах варящегося кофе полностью успокоил меня.

Наливая себе кофе, я позвонил Киму и напомнил, что сегодня 30-ое апреля. Он сказал, что обязательно зайдет за мной. Пропустить такую потеху было бы преступной ошибкой, добавил мой друг.

Я пил горячий кофе маленькими глоточками и вспоминал, что я знаю о Вальпургиевой Ночи. Это своего рода шабаш ведьм. Корни этого «праздника» уходят к язычникам. В эту ночь древние пращуры праздновали первое мая и приход весны. Потом, когда пришло христианство, этот праздник стал незаконным, как и все языческие. В средние века существовало поверье, что Вальпургиева Ночь – ночь пиршества ведьм Германии и Скандинавии. Колдуньи седлали свои метла и летели на лысые горы. Там они предавались чревоугодию, ритуальным пляскам и совокуплению с демонами. Когда началась всеобщая охота на ведьм, инквизиция в ночь на 1-ое мая пожинала самые большие урожаи. Сжигали множество женщин, большин-

ство из которых, к слову, были невиновными в ведовстве. Если мне не изменяла память, то праздник был назван в честь монахини со стрёмным именем Вальпурга. Уж не помню, чем там она отличилась, но её занесли в ранг святых. Хотя этот день можно отметить в календаре, как черный, благодаря стараниям яростных инквизиторов, многие люди в этот день предаются веселью, особенно молодежь.

Чем примечателен этот день? Да ничем, разве что в Германии в это время устраивают маскарады и ночные гуляния. Что-то вроде Кануна Дня всех Святых в католических странах. Я подумал, что вряд ли собеседование было приурочено к этому дню, несмотря на полную уверенность Кима в этом.

Хотя, было бы, конечно, лучше, если бы на рекламной листовке указали телефон для справок. Я бы просто позвонил и выяснил, что скрывается за древним санскритским словом «нецах».

*

Ким пришел довольно рано. Он зашел на кухню и по-хозяйски налил себе кофе, не забыв раскрошить в кружку белую таблетку, бесцеремонно взятую из моих запасов.

– Алекс, друг, – сказал он, отхлебнув от своего бодрящего коктейля, – я понимаю, ты потерял подругу, поэтому я не виню тебя за твой ужасный и отвратительный вид. Хочу добавить: я тоже скорблю по Луизе. Ты, кстати, можешь выговориться, я не против.

Ким достал курительную трубку и кисет с табаком.

Я промолчал. Друзья поддерживают нас во время беды и также настойчиво лезут в наши дела. Я смотрел, как он набивает свою трубку из корня вишни, коей крайне гордился. Когда он закурил, под потолком тут же повисли клубы ароматного дыма с нотками вишни и мёда.

– Я твой друг, поговори со мной, – попросил Ким.

И я рассказал ему всё. О последнем письме, о сказанном Гертрудой Андреевной, о записке Луизы и о своих мыслях. Ким попросил у меня письмо и записку Луизы для детального осмотра. Мой друг внимательно вчитался в текст, осмотрел листочки со всех сторон и неопределённо хмыкнул:

– Прямо-таки глас с того света, – сказал он, иногда я ненавижу его цинизм, – не хочу тебя обидеть. Но всё это, как-то слишком загадочно.

– Я знаю, – ответил я, – именно поэтому это не выходит у меня из головы.

– Расскажи мне про Авалон, – попросил Ким, – причем здесь, вообще, этот мифический город?

– Ну, что я ещё могу рассказать, кроме того, что ты и так знаешь, – сказал я, – в принципе, это легендарный остров, куда отправился излечивать свои раны король Артур перед своей смертью. Но это ему так и не помогло. Вообще-то многие уверены, что Авалон, это маленький городок Гластонбери в Англии. Говорят, когда Иисус был мальчиком, Иосиф Аримафейский посетил Англию и основал там церковь, за ней он воткнул свой посох, и там возник могучий терн. После смерти Иисуса Грааль отправили как раз в ту местность. Церковь там была, это точно, но её сожгли в XIII веке. Терн тоже был, но его вырубил Кромвель, чтобы народ не поклонялся дереву.

– Интересно, – задумчиво молвил Ким, – то есть, теоретически, Авалон может реально существовать.

– Да, но даже если и так, то это не тот Авалон, о котором идёт речь. Луиза говорит об Авалоне, который существует только в моём воображении. По сути, это совсем другая страна. Я позаимствовал только красивое, как мне кажется, название.

– Почему ты так грезил и продолжаешь грезить этим Авалоном? Что это, в конце концов, такое? Это просто слово с большой буквы.

– Ну, я просто всегда мечтал попасть туда, с детства, – просто сказал я, – с того момента, как придумал для себя это чудесное местечко.

– Долбаный ты эскапист, – сказал Кимми, – но я тебя понимаю, я тоже когда-то выдумал себе страну, куда я мечтал попасть. По моему плану я должен был стать там правителем. Моё волшебное место носило гордое имя «Колькина страна». Там можно было есть эскимо вёдрами и пить лимонад постоянно вместо отвратительного кефира, которым меня поила на ночь мамуля.

Я с трудом подавил смешок.

– С годами это перестало быть моей мечтой, – добавил несостоявшийся правитель Колькиной страны.

– Наверное, это правильно, – ответил я, сохраняя серьезное выражение на лице, – все-таки лучше жить в реальном мире, нежели в мечтах, особенно лимонадных.

– Знаешь, Алекс. Многие люди, живущие на земле, мечтают о чем-то таинственном, потустороннем. И лишь единицы получают шанс соприкоснуться с тайной. Мне кажется, что мы стоим совсем близко. Вся эта история с Луизой. Я ни за что не упущу свой шанс и не дам упустить тебе. Давай попробуем узнать, что произошло на самом деле. То, о чем пишут мистики и фантасты, мы теперь можем увидеть своими глазами. Бля, ну вдруг?

– Я знал, что ты скажешь что-нибудь в этом роде, – улыбнулся я, – с годами ты становишься очень предсказуемым.

Мой друг захихикал. Судя по всему, в его кровь начали поступать молекулы паркопана, который Кимми подмешал себе в кофе.

– Ты зачем уделался? – задал я риторический вопрос, – собеседование же.

– Для уверенности. И тебе советую. И рекомендую побриться. Мы идем устраиваться на работу, а у тебя щетина, как у бомжа с вокзала. И помойся. Воняет, как от свиньи.

В обоих утверждениях мой друг был прав. Я забил небольшой косяк и пошел заниматься личной гигиеной.

*

Автобус с рекламой зоомагазина на борту довез нас до остановки «Малый». К нашему удивлению, людей вокруг практически не было, лишь редкие прохожие. Очень нечастое явление для нашего города, особенно для центральных улиц: в это время здесь обычно прогуливается так называемая богема нашего города. Статные дамы и благородные джентльмены, во всяком случае таким образом они себя позиционируют.

– Сегодня что, нет спектаклей? – спросил Ким, – обычно здесь гораздо больше праздных гуляк и всяких придурков.

Я пожал плечами и двинулся к центральному входу театра. Здание внешне напоминало нашу библиотеку, скорее всего, театр был построен примерно в ту же временную эпоху. И, как мне кажется, с тех самых времен не знавал косметического ремонт. Некогда красивое архитектурное сооружение теперь прибывало в печальном виде: резные двери просели, штукатурка отваливалась толстыми слоями, а сама геометрия здания была нарушена усадкой почвы. Создавалось впечатление, что театр существует вне привычной людям перспективы: одна половина передняя часть сооружения была прямо перед нами, а задняя словно проникала в параллельный мир через огромную червоточину.

Ким потянул на себя дверь. По моей спине пробежали мурашки. Дверь издала чудовищный скрип, прорезавший насквозь пустынную улицу.

– После Вас, – учтиво сказал он.

Мы прошли в тихий сумрачный холл. В воздухе стоял запах лавки старьевщика: ароматы отсыревшей древесины смешивались с туалетной вонью.

Мистическую тишину нарушил пронзительный крик, опровергающий все доводы в пользу сверхъестественных явлений и опуская мечтательные души назад, на землю к человеческому быту.

– Вы куда прёте, хулиганы? – подала голос недовольная вахтерша. Она смотрела на нас с подозрением и откровенной неприязнью. На голове был повязан платок, из-под которого неровными прядями выбивались седые волосы. В дрожащих руках она держала спицы для вязания, – весь туалет шприцами завалили, наркоманы несчастные!

– Здравствуйте, мы на собеседование. Устраиваемся на работу. Корпорация Нецах, – сказал я, стараясь придать своему голосу максимально вежливый тон.

– Говнецах! – передразнила старуха, – мошенники они! И такие же к ним ходят! Рыбак рыбака видит из далека. Туда идите по коридору!

Вахтерша махнула рукой в сторону темного фойе.

– Ноги вытирайте! Я только полы протёрла, – голос её был крайне истеричен. Казалось, что если мы испачкаем пол, она выколет нам глаза своими спицами.

На цыпочках мы скрылись с глаз цербера-вахтёра.

– Женщина с большими претензиями, но маленькой зарплатой, – шепнул мне Ким.

Поплутав по тёмным коридорам, мы наконец добрались до входа в малый зал. На двери висел, прилепленный клейкой лентой, обычный листок формата «а-четыре». На нём красовалась надпись «Нецах», выполненная всё тем же, что и на рекламном проспекте, омерзительным шрифтом «WordArt».

– Очень красиво, – резюмировал Кимми, – вершина эстетического уровня и дизайнерской мысли. Если я продолжу разглядывать эту надпись, мне захочется выколоть себе глаза.

– Имей в виду, я тебе помогу если решишь вдруг это сделать. С ни с чем несравнимым удовольствием.

Отворив дверь, мы вошли в зал. В помещении царил полумрак, с которым определенно не могли справиться несколько старых софитов, расположенных где-то под потолком. В воздухе стоял стойкий аромат пыли и старого сценического реквизита.

На сцене словно божий перст торчала пустующая трибуна, ошетилившаяся в разные стороны кривыми микрофонами. В первом ряду сидел всего один человек, больше в зале никого не было. Я посмотрел на часы: без пяти девять. По моему разумению, учитывая уровень безработицы в стране, соискателей должно быть на порядок больше.

– Это что, все кандидаты? – прошептал я, – зря театральные зал арендовали, могли бы и обойтись кладовкой.

– Один кандидат, но за то какой! Главное не количество, а качество, – понизив голос, ответил Ким, – ты только посмотри на него.

Мужчина, с комфортом сидящий в кресле, бездумно пялился в пустоту над сценой, казалось нас он даже не заметил. Я бы сказал, что ему около сорока лет. Мужчина напоминал безумного ученого, который уже лет двадцать лет живет мечтой изобрести вечный двигатель или ещё какой-нибудь революционный механизм. На носу соискателя криво сидели роговые очки с толстенными стеклами, дужки которых были заклеены заскорузлым пластырем. Его сальные волосы беспорядочно висели тонкими сосульками. Когда мы подошли ближе, в нас ударил запах пота и мочи. Морщась, мы сели на почтительное расстояние от мужчины, но до нас всё равно доходил его своеобразный аромат. Увидев нас, он встрепенулся, опасливо поежился и прижался к спинке сиденья, будто желая слиться с ним.

Я оглядел зал. Помещение создавало приятное впечатление камерного уюта. Я всегда любил маленькие закрытые пространства, в них чувствуется некая милая прелесть. Я насчитал всего восемь рядов сидений из красного велюра. С потолка свисла неприлично огромная хрустальная люстра, рассчитанная на множество лампочек, подавляющее большинство которых давно перегорело.

– Вы, часом, не на собеседование ли? – вежливо спросил Кимми мужчину, и тот отрывисто кивнул. соискатель нервно теребил в руках деревяшку, отдаленно похожую на крест.

– Меня зовут Климент, – неожиданно сказал он, словно озвучивая всем известный религиозный догмат.

– Я Ким, а это Алексей, – мой друг небрежно кивнул в мою сторону.

Климент протянул, было руку, но резко отдернул. Мы с Кимом переглянулись, в глазах моего друга заиграли веселые огоньки.

– Вы не из этих, случайно, – спросил Климент, тараща масляные глаза, казавшиеся огромными за толстыми стёклами очков.

– Вряд ли, – ответил Ким и тут же добавил, – а из кого?

– Служители падали... – прошептал Климент.

– Точно не из этих, – бодрым голосом сказал мой друг.

– За мной следят, – продолжил странный соискатель, он затравлено посмотрел по сторонам, и испугано зашептал, – но они не получают то, что хотят. Но будут пытаться, это точно, я говорю. Они такие. Чёртовы твари. Особенно один из этой братии не в меру расторопен. Знаете, у него есть красное ружье. Бойтесь его, он как цепной пес, если вцепится в свою жертву, то никогда не разожмет зубов. У него и нюх, как у собаки.

Я и Кимми с отработанной синхронностью понимающе закивали. У девяноста девяти процентов населения земли есть шизофрения, просто у одних она выражена слабо, у других заметно, а для третьих нужна госпитализация. У этого мужчины состояние психики колебалось где-то между второй и третьей планкой моей классификации.

Тут монолог Климента прервали. Из-за тяжёлого занавеса вышел мужчина в деловом костюме. У него были пронзительный взор, ястребиный нос, высокий лоб и зализанные назад волосы. Он сразу напомнил мне актера Белу Лугоши. Видимо, собеседование началось. Он мельком пробежал взглядом по залу и остановился на мне. У меня появилось ощущение, что я его уже где-то видел раньше, хотя не мог сказать с уверенностью, где и при каких обстоятельствах. Тем не менее, чувство дежавю было очень сильным, и оно было, надо сказать, неприятным. Я поспешно сунул в рот таблетку паркопана и откинулся на спинку кресло.

– Здравствуйте, Алексей, – сказал он, просверливая своим взглядом дыры в моём теле, – очень рад видеть Вас здесь, но сказать по правде, я и не сомневался, что Вы почтите нас своим присутствием. Такая у меня работа, планировать и не сомневаться, вот что я имею в виду.

Я бросил быстрый взгляд на Ким, тот внимательно слушал и даже не обратил на меня внимания, как и на тот факт, что выступающий обратился ко мне непосредственно по имени. Климент, как и мой друг, заморожено глядел на человека.

– Откуда Вы знаете, как меня зовут? – выдохнув, спросил я.

– Если бы мы Вас не знали, то тут Вас бы и не было, – мужчина хохотнул, – мы Вас знаем, Вы нас – нет. Но проблема пустяковая и решаемая, как говорится, и решить я её хочу в самые кратчайшие сроки, сиречь сейчас. Меня зовут Ника Адамсон, через «а» и с одной «ка». «Ника» – это победа, понимаете? Фамилия, еврейская, кстати! Приятно, наконец, с Вами познакомиться.

– Взаимно, – машинально ответил я. Ким продолжал молчать, что немного меня удивило. Где же его традиционные потоки красноречивой иронии? Они бы сейчас пришлись очень кстати в качестве контратаки этому невообразимому словесному поносу.

– Итак, Вы в корпорации Нецах, – продолжил Ника Адамсон, – сколько раз Вы просыпались среди ночи со слезами на глазах и с мыслями, что чего-то не хватает в вашей жизни? Сколько раз Вы думали, что за обыденностью скрывается, нечто большее, чем простое человеческое существование? Можете не отвечать, я и так знаю. Я вполне понимаю, такое чувство усиленно ещё тем, что такое положение никак не исправить. Нецах покажет Вам как это изменить. Нецах поможет приоткрыть завесу тайны, покрывающую саму суть мироздания...

– Вы что религиозная организация? – перебил я возбужденного собеседника.

– Ну что Вы, – Ника Адамсон снисходительно улыбнулся, – мы презираем любую религию. Бога – нет, есть только человек, вот я что я имею в виду. И человек гораздо могущественнее бородатого старца на небе. Мы помогаем раскрыть способности, которые многие люди изначально имеют, но не знают к ним пути. Всё это не бесплатно, конечно же! Стоп! Я знаю, о чём ты сейчас думаешь! И нет, нет и ещё раз нет! Нам не нужны пожертвования, вот, что я имею в виду! Нам, возможно, потребуется помощь в дальнейшем. Только и всего.

– И какие способности вы помогаете раскрыть? – я уже начинал жалеть, что пришел сюда. Не хватало мне ещё лекций от всяких шарлатанов. Почему, этот тип разговаривает только со мной? Я ткнул локтем Кима, тот посмотрел на меня и пожал плечами, – и какая ещё помощь?

– Вы сами решите, что Вам ближе. Какая способность по душе, я имею в виду, – туманно ответил Ника, – ну, а помощь... Трудно пока загадывать, что нам понадобится в будущем. Но могу сказать одно: наши цели сугубо академические, мы только изучаем мир, и не делаем ничего во вред. И мы любим путешествовать.

– Пока всё, что Вы говорите, напоминает вступительную речь последователя какой-нибудь секты.

– Может это последователи сект похожи на меня, а? – Ника Адамсон лукаво подмигнул мне. Я поежился, слишком уж кокетливо это выглядело.

Ника Адамсон был ещё больше двинутый, чем молчаливый Климент, подумал я. Что я вообще здесь делаю и почему Ким до сих пор молчит в тряпочку? Я посмотрел на своего друга, он внимательно смотрел на мужчину на сцене и никак не реагировал наш диалог. Я перевел взгляд на Ника Адамсона. Его силуэт сильно двоился в моих глазах. Я зажмурился и слегка тряхнул головой. Я уже начал думать, что Ника Адамсон насылает на меня какой-то морок, когда вспомнил о съеденной таблетке. Я немного успокоился и позволил себе расслабиться.

– Ну-с, – протянул мужчина, – какие ещё вопросы мучают?

– Почему вы назначили собеседование на 30-ое апреля? – выпалил я.

– А что? – удивился мужчина, – чем тебе не нравится эта дата? Завтра праздник. Первое мая, день труда и всё такое.

– Ну это... Вальпургиева Ночь, – ответил я, понимая, что вопрос звучит довольно таки глупо.

– Ах, это, – Ника Адамсон огульно расхохотался, – молодой человек, ну что Вы как бабка суеверная? Знаешь, какие ещё события датируются 30-м апреля?

Я покачал головой.

– Ну, например, 311-й год. Именно в этот день, император Галерий выпустил эдикт о признании христианской церкви в Риме, – сказал с улыбкой Ника Адамсон, – а ещё 30-го апреля 1946 года родился шведский король Карл XVI Густав, а также в 1789-ом Джордж Вашингтон стал первым президентом США. Могу также назвать такие даты, как 1883 год – умер художник Эдуард Мане, или в 1812 году Луизиана стала восемнадцатым штатом США, а в 1945 Гитлер и его жена Ева Браун совершили самоубийство. Так что можешь выбрать любое знаменательное событие, к чему целесообразно приурочить сегодняшнюю встречу, вот что я имею в виду. Мне продолжать? Я ведь ещё могу назвать десяток исторических дат.

– Нет, спасибо, – удивленно ответил я, надо сказать мужчина удивил меня своей превосходной памятью или готовностью к моему вопросу.

– Жаль, ведь я могу продолжать ещё очень долго. Таким образом, наше собеседование можно провести в честь любого из этих событий, а не только из-за Вальпургиевой Ночи. Да и вообще, каждый день в году, можно считать историческим в том или ином роде...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.